

На правах рукописи

Неклюдов Константин Викторович

**Галилейский контекст проповеди Иисуса Христа: проблемы,
сформулированные библеистикой XIX–XX вв., и их решения в свете
современной археологии**

26.00.01— «Теология»

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата теологии

Москва

2018

Работа выполнена на кафедре библеистики религиозной организации — духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»

Научный руководитель:

Селезнев Михаил Георгиевич кандидат филологических наук, доцент Института классического востока и античности ВШЭ, доцент кафедры библеистики Общецерковной аспирантуры и докторантуры

Официальные оппоненты:

Шмаина-Великанова Анна доктор культурологии, профессор Учебно-научного Центра изучения религий РГГУ

Сомов Алексей Борисович PhD, (степень признана в РФ в качестве степени кандидата теологии), старший преподаватель Свято-Филаретовского православно-христианского института, сотрудник Института перевода Библии

Ведущая организация:

Институт археологии РАН

Защита состоится «31» октября 2018 г. в 14.00 на заседании объединенного диссертационного совета Д 999.213.04 на базе религиозной организации — духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия», ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», ФГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» по адресу: 115035, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке религиозной организации — духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» по адресу: 115035, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1 и на сайте: <http://www.doctorantura.ru/nauka/dissertations/theology/373-soiskateli/3593-neklyudov>.

Автореферат разослан «_____» _____

Ученый секретарь

диссертационного совета Д 999.213.04

кандидат исторических наук

иерей Сафонов Дмитрий Владимирович

Общая характеристика работы

Вопрос о ближайшем историческом контексте, знание которого необходимо для интерпретации евангельской истории, воспринимался в качестве одного из важнейших уже с самого начала формирования европейской новозаветной библеистики как историко-филологической науки. Реконструкции земного служения Иисуса Христа и попытки понять Его проповедь в историко-культурном контексте Палестины I в. в целом характерны уже для европейской новозаветной науки XIX в. (как либерально-протестантской, так и консервативной), и не рассматривались в ней как противоречащие богословскому учению о Воплощении.

Галилея как место проповеди Иисуса привлекала внимание исследователей во многом потому, что значительное, если не основное время Его проповеди, независимо от принятия той или иной исторической реконструкции Его земного служения, приходилось именно на Галилею. Как Галилеянин Иисус воспринимался многими Его иудейскими слушателями, в том числе и противниками (Мф 26:69; ср. Лк 23:6). Еще более важным знание галилейского мира раннеримского времени представлялось для историков по той причине, что именно здесь в этот период проходили ключевые для дальнейшей истории первоначального христианства и раввинистического иудаизма события и процессы.

Знание некоторых деталей этого контекста, а именно распространенных в регионе религиозных идей и практик, о которых можно судить по сообщениям источников, позволяло, в частности, сравнивать идеи, отраженные в самых ранних, вошедших в евангельские повествования преданиях, с религиозными традициями античного иудаизма и эллинистических религий, иногда усматривая между ними аналогии и взаимные влияния.

Новые возможности для работы в этом направлении появились благодаря развитию в XX в. библейской археологии и, особенно, широкомасштабных работ в Галилее начиная с 80-х гг. XX в. В новозаветной

науке постепенно приходит понимание важности того, что галилейский мир I в. по Р.Х. (со всеми его культурными и религиозными особенностями, определенными историей региона и сложившимися социальными отношениями), в котором происходила проповедь Иисуса и возникли первые предания о ней, не только доступен исследователю в текстах, но и реконструируется на основании остатков материальной культуры. Не в последнюю очередь авторитет аргумента от галилейской археологии усиливается еще и потому, что с развитием современной методологии анализа библейского текста все большее распространение получает убеждение, что библейские тексты, как произведения конкретных авторов, возникшие в известное время и в определенном месте, всегда избирательны, никогда не дают полную информацию о галилейском мире эллинистическо-римского времени, а археология позволяет преодолеть эту ограниченность.

Современное состояние вопроса. Научное исследование истории и материальной культуры Галилеи происходит уже довольно длительное время. Работы по этой тематике во многом были определены интересом библеистов и историков к интерпретации проповеди Иисуса Христа в иудейском контексте раннеримского времени. За время исследований был накоплен огромный сравнительный материал, в ходе дискуссий возникли целые научные направления («школа истории религий», «третий поиск исторического Иисуса» и др.) с собственными акцентами на тех или иных аспектах иудейского и, в частности, галилейского контекста евангельских событий.

Изучение истории региона долгое время опиралось в основном на анализ библейских и других античных текстов. В последние десятилетия в связи с развитием социологического подхода в библеистике историки уделяли большое внимание социально-экономической ситуации в Палестине времени Иисуса Христа. Кроме того, как было отмечено, дискуссия о галилейском контексте получила новые импульсы благодаря введению в научный оборот археологических данных, что в ряде случаев побудило исследователей

отказаться от мнений, которые прежде рассматривались как консенсусные.

В рамках этой дискуссии можно выделить несколько основных направлений: (1) реконструкция культурно-религиозного контекста (степень эллинизации Галилеи I в.; этническая принадлежность галилеян и особенности их религии в I в.); (2) реконструкция социально-политической ситуации (степень и последствия урбанизации Галилеи в I в.; отношение городов и деревень; состояние экономики; вопрос о «средиземноморском типе крестьянина»); (3) методологические дискуссии о легитимности, роли и пределах использования для ответа на эти вопросы социологических моделей, принятых в изучении других античных обществ.

Актуальность и новизна. С 80-х гг. XX в. дискуссия о контексте претерпела радикальные изменения из-за стремительного развития галилейской археологии. За относительно небольшой период времени многие вопросы, которые, как считалось, не могут получить окончательного ответа из-за невозможности однозначно интерпретировать свидетельства письменных источников, получили удовлетворительное разрешение. В то же время процесс накопления археологических данных, имеющих значение для понимания галилейского контекста проповеди Иисуса, продолжается. Каждый год появляется большое количество публикаций, при этом многие факты обнародованы лишь в предварительных отчетах и еще ожидают детального описания и исследования. Столь стремительное развитие научной дискуссии до сих пор не получило историографического осмысления. Любое современное исследование галилейского контекста евангельских событий (прежде всего следует упомянуть монографии — Р. Хорсли (1996), Дж. Рида (2000), М. Ченси (2002), Ш. Фрейна (2004), М. Йенсена (2006), Б. В. Рута (2014)), как правило, строится на сравнении археологических данных со сведениями письменных источников, однако ход дискуссии не выступает для библеистов отдельной научной проблемой, требующей беспристрастного рассмотрения с привлечением всего доступного материала. Настоящее диссертационное исследование — первая и пока единственная работа такого рода. Она

охватывает все современные направления научных дискуссий по вопросу о галилейском контексте евангельских событий. Эти направления, с одной стороны, проанализированы с учетом всего опубликованного на 2014 г. археологического материала, то есть диссертант имеет возможность оценить полноту отбора материала в каждом конкретном исследовании, и принципы этого отбора; с другой стороны, они рассмотрены в перспективе всех этапов дискуссии прежнего, доархеологического периода. Сами по себе эти этапы хорошо описаны, но в рамках историографического подхода они еще не становились предметом комплексного рассмотрения с учетом археологических данных.

В отечественной науке данная диссертация — первое исследование, посвященное вопросу о галилейском историческом контексте проповеди Иисуса Христа, и пока единственная работа, учитывающая самые последние данные археологии этого региона.

Цель исследования: проанализировать развитие дискуссий о галилейском контексте провозвестия Иисуса Христа с сер. XIX в. по настоящее время и критически оценить роль современной археологии Галилеи в решении вопросов, поставленных в ходе данных дискуссий.

Задачи работы определяются сформулированной целью. В нашем случае необходимо:

1) описать источниковую базу исследований галилейского контекста, относящихся к «доархеологическому» этапу библеистики. Данная задача подразумевает систематизацию свидетельств письменных источников о религиозной идентичности жителей Галилеи и о социально-экономической ситуации в этой области в I в.;

2) выделить и охарактеризовать основные направления развития дискуссий о галилейском контексте с нач. XIX в. по настоящее время, выявить культурно-исторические предпосылки их возникновения, показать их связь с другими направлениями в новозаветной науке, проанализировать их методологию; выделить основные проблемы, разработанные в ходе научных

дискуссий о галилейском контексте служения Иисуса;

3) выявить и проанализировать изменения в дискуссиях 80-х гг. XX в. – нач. XXI в. о галилейском контексте служения Иисуса, вызванные введением в научный оборот нового типа источников — материалов археологических раскопок.

Объектом исследования являются предложенные в библеистике XIX – XX вв. интерпретации свидетельств античных письменных источников и опубликованные результаты археологических исследований Галилеи раннеримского времени.

Предметом исследования является формирование и развитие, с начала XIX в. по настоящее время, научных представлений о социальной и этно- культурной ситуации в Галилее раннеримского времени.

Как источники и сложившиеся в XIX–XX вв. варианты их интерпретации, так и отчеты об археологических раскопках составляют **информационную базу** диссертации. Она включает: (1) библейские тексты Ветхого и Нового Завета в современных критических изданиях; (2) источники, содержащие сведения по истории Галилеи: фрагменты ассирийских анналов Тиглатпаласара III, папирусы Зенона, работы Иосифа Флавия, дающего ценные сведения об иродианском периоде истории Галилеи; (3) работы других античных авторов, Страбона, Тацита, писавших об истории региона греко-римского периода; (4) раввинистические источники, сообщающие об особенностях религиозности галилеян; (5) работы исследователей XIX–XX вв.: Э. Ренана, Г. Смита, Г. Бертрама, В. Бауэра, В. Грундмана, А. Альта и других авторов, обращение к которым необходимо для анализа вопроса на «доархеологическом» этапе дискуссий о Галилее; (6) работы современных библеистов, в которых археологический материал используется для реконструкции галилейского контекста проповеди Иисуса Христа (Р. Хорсли, Ш. Фрейн, Дж. Рид, М. Ченси, М. Йенсен и другие); (7) современные археологические отчеты. В работе проанализированы прежде всего археологические отчеты, статьи и монографии о раскопках отдельных

мест и памятников (до настоящего момента в большинстве случаев предварительные), таких как Сепфорис, Тивериада, Магдала, и небольших поселений — Капернаума, Йодфата, Хирбет-Каны, Гамлы, Эт-Телля и некоторых других. Кроме собственно галилейских объектов рассмотрены данные раскопок античных городов и поселений соседних территорий — в Десятиградии (Скифополь, Гадара, Гиппос).

Теоретико-методологическая основа. При работе с письменными источниками использован ряд историко-филологических методов, применяемых в исследовании античной литературы: историко-критический анализ; метод текстологического исследования; культурологический, направленный на выявление социокультурных основ материальных процессов, в частности их этнических и религиозных предпосылок.

При работе с опубликованными археологическими материалами, использованы следующие методы историографического анализа: историко-генетический метод (исследование концепций современных археологов Галилеи в их развитии и взаимовлиянии, а также анализ концепций современных библеистов в перспективе влияния на них результатов археологических исследований); сравнительно-исторический (сравнение концепций, сформулированных на различных этапах формирования археологии Галилеи); типологический метод (выявление и анализ консенсусных представлений в современной археологии и изучение динамики их развития); метод логической реконструкции научной концепции. Эти же методы применяются и при анализе историографии изучения галилейского контекста XIX–1-й половины XX вв.

Положения, выносимые на защиту. Археологические данные позволили дать однозначную оценку большинству гипотез относительно этно-религиозной, экономической и социально-политической ситуации в Галилее времени Иисуса, выдвинутых в европейской библеистике с середины XIX до 80-х гг. XX вв. Эти гипотезы были основаны на данных письменных памятников, позволявших сделать альтернативные интерпретации, и общих

соображениях, и до введения в научный оборот археологического материала были практически нефальсифицируемыми.

(1) Именно археологические данные позволяют утверждать, что (а) вопреки гипотезе Бауэра, Бертрама и Грундмана население Галилеи раннеримского времени не было смешанным ни в этническом, ни в религиозном отношении (хотя в больших городах очевидно присутствие нееврейских социальных групп); (б) вопреки гипотезе Альта-Хорсли галилеяне раннеримского времени не были потомками жителей северного Израильского царства, уничтоженного ассирийцами во время походов 732 и 722 гг. до Р.Х.; (в) вопреки итурейской гипотезе галилеяне раннеримского времени в большинстве своем не были потомками итуреев, обращенных в иудаизм Хасмоняями; (г) вопреки кинической гипотезе идейным контекстом проповеди Иисуса не могли быть эллинистические традиции простонародного кинизма, так как формы, которые приняла эллинизация в Галилее, не допускала идеологического, в том числе религиозного, влияния; (д) вопреки гипотезам Фрейна, Хорсли, Кроссана, Оукмана и др. Галилея не представляла собой области социального конфликта между городским и эксплуатируемым деревенским населением, обусловленного экономическим кризисом.

(2) Именно археологические данные позволили выдвинуть и обосновать гипотезы, что (а) население Галилеи времени Иисуса в подавляющем большинстве восходило к иудейским колонистам хасмонейского и иродианского периодов, что (б) религиозные практики этого населения в целом соответствовали религиозным практикам, сложившимся в Иудее; (в) о том, что эллинизация широко затронула материальную культуру Галилеи как в городах, так и в деревнях, не вытесняя при этом традиционные религиозные практики (хотя во многих поселениях прослеживается тенденция к отказу от ряда предметов, ассоциировавшихся греко-римским влиянием); (г) о том, что строительные проекты тетрарха Антипы способствовали экономическому подъему в Галилее времени Иисуса; (д) о наличии социальной дифференциации в больших галилейских деревнях.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в результате проведенного исследования дается структурированный анализ историографии дискуссии о галилейском контексте проповеди Иисуса с ее критической оценкой в свете данных современной археологии Галилеи. Это позволило обосновать (или вывести из круга обсуждаемых) ряд гипотез о религиозно-этнической и социально-экономической ситуации в Галилее I в.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты можно использовать в дальнейших исследованиях истории религии и культур Восточного Средиземноморья, и, не в последнюю очередь, культурного контекста возникновения и самых ранних этапов истории христианства и раввинистического иудаизма. Представленный материал может быть также применен в рамках преподавания курсов по новозаветной истории, библейской археологии, истории происхождения христианства, подготовке учебных пособий по курсам: «Экзегеза Нового Завета», «Историко-культурный контекст возникновения христианства» и «Археология Нового Завета» для светских и духовных учебных заведений.

Апробация. По содержанию исследования сделаны доклады и научные сообщения, представлены тезисы выступлений на научных конференциях различного уровня, в том числе международных. Результаты исследования прошли обсуждение на заседаниях кафедры библеистики ОЦАД, где была дана оценка их теоретической и практической ценности.

Список выступлений:

- 1) Современные археологические исследования в Галилее и экзегеза Евангелий // Конференция МПДА «Экзегетика и герменевтика». 15–16 апреля 2010-го года: Секция библейской археологии;
- 2) Галилейский контекст служения Иисуса Христа: История изучения и современные проблемы. Тезисы // Международная конференция, посвященная 325-летию МДА, 11 октября 2010 г., Сергиев Посад;
- 3) Период правления тетрарха Галилеи Ирода Антипы по данным

археологии // Международная научная конференция «Библия и археология: Междисциплинарные подходы и в библейской и раннехристианской истории», 17–18 мая 2011 г. в Смоленской Духовной семинарии.

4) Археология Галилеи и «третий поиск исторического Иисуса» // Международная конференция «Современная библеистика и Предание Церкви, 26–28 ноября 2013 г., Москва».

Основное содержание диссертации

Работа состоит из 3 основных глав, введения, заключения, библиографического и иллюстративного приложений.

Во *Введении* дана общая характеристика проблемы роли археологии в реконструкции галилейского контекста проповеди Иисуса, обозначен круг научных задач, к которым отнесены: оценка аргументации от археологии в спорах об этно-религиозной идентичности галилеян I в. и социальном положении в период правления тетрарха Ирода Антипы, оценка использования социологических моделей для изучения галилейского общества I в., актуальность темы, современное состояние вопроса, предмет и объект исследования, цель, задачи, теоретико-методологическая основа работы.

Каждая из глав соответствует одной или нескольким задачам исследования. В 1-й главе рассматриваются свидетельства письменных памятников как источниковая база исследований галилейского контекста в рамках традиционной библеистики. Основное внимание уделено тем сведениям, на которых основана проанализированная во 2-й главе аргументация исследователей. Это данные об этнической истории населения Галилеи, этно-религиозных особенностях галилеян раннеримского времени и о социально-экономических отношениях в Галилее этого периода.

Приведенный в 1-й главе анализ свидетельств письменных источников, которые в научных дискуссиях использовались в качестве аргументов в пользу того или иного представления о религии галилеян I в. и о

социальной ситуации в этом регионе, показывает, что исследования, выполненные только на основании данных источников не могли дать однозначных результатов. Свидетельства древних письменных памятников об истории Галилеи и религиозно-культурной ситуации в данном регионе могут использоваться в пользу альтернативных позиций.

С одной стороны, галилеяне I в. до Р.Х. — I в. по Р.Х. изображаются как благочестивые евреи. Об этом свидетельствуют события региональной истории — они остались верными иудейской династии хасмонеев и оказали сопротивление иродианским властям (это отражено в реформе Габиния, когда Галилея была признана одним из еврейских регионов; также видимо было учтено при разделении территории царства Ирода Великого), верность галилеян многим религиозным традициям Иерусалима также отмечается при Антипе (*раздел 1.1.2*). Известные черты благочестия галилеян, сближающие их с жителями Иудеи, — выплата десятины, паломничества в Иерусалим, наличие здесь учителей закона до 70 г., отказ от некошерной пищи, производство ритуально чистого масла, совершение обрезания (*раздел 1.2.3*) — в раввинистических источниках (в основном в пренебрежительных сообщениях мудрецов) дополняются указаниями на некоторые особенности религиозного менталитета галилеян I в., проявившиеся прежде всего в области семейных отношений, погребальных обрядов, соблюдения праздников и обетов. Все это раввинами объясняется преимущественно отсутствием здесь необходимого религиозного образования. С жителями Галилеи (согласно Иосифу — с представителями одной галилейской семьи) связывается также особый религиозный радикализм, эсхатологическая идеология, обосновывающая возможность восстания против иродиан и римлян. Наконец, еще одной характерной чертой религиозности галилеян I в. было распространение здесь учителей-харизматиков, для которых характерно более свободное отношение к предписаниям Торы и акцентирование нравственного наставления, а не культа.

В то же время некоторые свидетельства источников позволяют говорить

о значительном присутствии и влиянии здесь язычников, особенно в эллинистический период. В качестве аргументов в пользу представления о Галилее как о полужыческой земле со смешанным населением привлекаются классические свидетельства Ис 8:23 и 1 Макк 5:15, где Галилея названа «языческой», и некоторые другие. В итоге целостной картины этно-религиозной ситуации в Галилее времени Иисуса не возникает.

То же самое можно сказать о свидетельствах источников о социально-экономической и социально-политической ситуации в Галилее времени Иисуса (*раздел 1.2.1*). Анализ свидетельств показывает, что однозначного вывода источники сделать не позволяют. В пользу того, что социальные отношения в это время были напряженными, говорят данные о развитии здесь крупного землевладения и, как следствие, заметного социального расслоения. Напротив, о стабильности положения могут свидетельствовать сохранившиеся у Евсевия сообщения Гегезипа о галилейских крестьянах (внуках Иуды, брата Господня), которые изображены как вполне зажиточные; отсутствие сообщений о голоде в Галилее времени Иисуса, и сам факт реализации строительных проектов тетрарха Антипы, вполне вероятно, за счет внутренних ресурсов.

Письменные источники не позволяют с уверенностью описать ясную картину социально-политической ситуации в Галилее времени Иисуса. О нестабильности могут говорить свидетельства о «разбойничьей войне», когда был разрушен Сепфорис, а его жители проданы в рабство, о восстании Иуды Галилеянина и движении зилотов, пророчество о недолгом правлении сыновей Ирода Великого в «Вознесении Моисея». Противоположный вывод о стабильности времени правления Антипы подтверждается самим фактом правления в Галилее царей-клиентов, без прямого римского присутствия; отсутствием упоминания в Галилее времени Иисуса каких-либо войн и восстаний.

Эта неоднозначность данных источников по интересующим нас вопросам определила в европейской библеистике многолетнюю научную

дискуссию. Ее анализу посвящается *2-я глава* «Проблема Галилеи как религиозного и социально-экономического контекста проповеди Иисуса в библеистике XIX- XX вв.», в которой рассматривается историография вопроса начиная с «доархеологического» периода новозаветной науки и до работ последнего десятилетия, выделяются основные этапы и направления дискуссии, систематизируются аргументы представителей альтернативных позиций. Было показано, что в ней прослеживается определенная эволюция в степени интереса к галилейскому контексту проповеди Иисуса. Так, во 2-й половине XIX в. очевиден интерес к галилейскому ландшафту в романтическом направлении (Эрнст Ренан, Георг Смит, считавшие возможным искать объяснения событий жизни и отдельных тем проповеди Иисуса в особенностях менталитета галилеян, обусловленного природой и географией региона). Современные дискуссии о контексте определены сложившимися уже в 1-й половине XX в. в немецкой библеистике двумя альтернативными образами Галилеи. С одной стороны, была предложена гипотеза «Галилеи языческой» (В. Бауэр, Г. Бертрам, В. Грундман, Э. Шюрер), в рамках которой универсалистские черты проповеди Иисуса во многом объяснялись особенностями галилейского контекста, недостаточным знанием галилеянами Торы и влиянием на них эллинистической культуры. С другой стороны, свою аргументацию получила гипотеза «еврейской Галилеи» (А. Альт), ставшая предпосылкой для вывода о том, что Иисус проповедовал среди галилеян, потомков древних израильтян, сохранивших свои религиозные традиции. Сравнение аргументации сторонников альтернативных позиций в историографии вопроса о контексте иллюстрирует сложность проблемы.

Анализ историографии вопроса о галилейском контексте в XIX–1-й половине XX вв. показал, что во многих других направлениях новозаветной библеистики интерес к религиозному миру Галилеи I в. был незначительным. Это относится к (1) либеральным реконструкциям жизни «исторического Иисуса» 2-й половины XIX в. (подчеркивают универсализм проповеди Иисуса и ее отличия от иудаизма того времени), (2) к программе метода анализа

жанровых форм Евангелий (проблеме галилейского контекста не уделялось внимание по причине, как считалось, небольшой исторической ценности источников), наконец, и (3) ко «второму поиску исторического Иисуса» (по причине доминирования в нем «критерия двойной несводимости» проповеди Иисуса к современному Ему иудаизму и богословию раннехристианских общин).

Новое начало интереса к галилейскому контексту видно в работах иудейского историка Гезы Вермеша (с 1973 г.), в которых образ Галилеи реконструируется на основании уже известных тезисов о том, что религиозность галилеян определена географическими особенностями их земли и событиями ее истории, но к этому добавляется еще одна особенность — здесь локализуется «харизматический иудаизм», в контексте которого и рассматривается проповедь Иисуса.

«Третий поиск исторического Иисуса», начавшийся в 80-х гг. XX в., отличается от более ранних подходов очевидным интересом к Галилее, использованием результатов помимо историко-филологических, также социологических и археологических исследований этой области. При том, что центральное значение в «третьем поиске» получает вопрос именно об иудейской контекстуализации движения самых первых последователей Иисуса Христа, при анализе историографии становится очевидным, что «галилейский аргумент» начинает играть роль также у сторонников так называемой «кинической гипотезы». Последняя подразумевает, что этическое содержание благовестия Иисуса можно понять через обращение к эллинистической простонародной нравственной философии киников и их образе жизни.

Анализ галилейского аргумента у сторонников «кинической гипотезы» (Д. Даунинга, Б. Мэка и Д. Д. Кроссана) показал, что Галилея в этих работах рассматривается как земля, подверженная культурному влиянию со стороны окрестных эллинистических областей, где были школы киников. Этим влиянием объясняют распространение здесь (как в «земле смешанного народа» (Мэк)) неэсхатологического представления о Боге, фиксируемого в

самом раннем, «сапиенциальном» слое источника логий Q, который локализуется также в Галилее (Мэк). Этот образ Галилеи в свете уже известных на то время археологических материалов, можно считать устаревшим.

Кроссан, принимая в целом эту картину эллинистической Галилеи, в своей исторической реконструкции ставит акцент преимущественно на социально-экономической ситуации в Галилее I в. Особенность его «галилейского аргумента» состоит в методологии: своего рода интерпретационной матрицей, в рамках которой Кроссан понимает сообщения письменных источников и археологических материалов, служит социально-антропологическая модель Ленского-Каутского, что во многом заранее определяет его выводы о неизбежном углублении социальной пропасти между местной аристократией и крестьянами. Последние оказываются на грани выживания, и, как следствие, усиливается их сопротивление, так как они видели в складывающейся ситуации угрозу своему «традиционному сельскому укладу жизни». Движение первых последователей Иисуса Христа в таком случае понимается Кроссаном как освободительное, направленное против угрозы традиционным религиозным ценностям, а созданное Им нравственное учение с его критикой социально-экономической несправедливости, царившей в Галилее, — как своего рода аналогия кинизму. Археология, как показано в 3-й главе не подтверждает такой образ галилейского крестьянина.

Использование социологической модели, пример которому дает работа Кроссана, критически оценивается в монографии М. Савицки, которая показала некритичность использования им модели, уже устаревшей и по меркам социологов. Ее бездоказательность обусловлена и отсутствием у Кроссана адекватной интерпретации археологического материала. Выводы автора о социально-экономической ситуации в Галилее остаются, таким образом, не подтвержденной гипотезой.

Иную перспективу дискуссия о галилейском контексте получила на

современном этапе во многом благодаря введению в научный оборот нового типа источников — археологического материала, полученного в ходе работ в Галилее в последние 35–40 лет. В следующем разделе 2-й главы (разд. 2.3.1 «Возникновение археологии Галилеи. Первые обобщения») рассматриваются выводы некоторых археологов-библейстов, работавших непосредственно на памятниках Галилеи.

Анализ научных споров 90-х гг. XX в. по вопросу о контексте проповеди Иисуса показывает, что во многом их определили выводы, сделанные израильскими археологами Д. Аданом-Баевичем и М. Авиамом по 2 ключевым для данной темы вопросам: о еврейской идентичности галилеян I в. и о социальной ситуации в Галилее этого времени. Первому принадлежит заслуга в исследовании развития контактов сельских производственных ремесленных центров и галилейских городов. По его убеждению, территория Галилеи и Голан уже в I в. по Р.Х. была покрыта сетью экономически связанных между собою поселений (городов и деревень) с единым центром по производству керамики в Кфар-Ханании, из чего должно следовать, что деревенские предприниматели-гончары, были участниками интенсивных торговых отношений между сельскими производственными центрами и городскими рынками, а значит о какой-то существенной эксплуатации крестьян городами речи быть не может.

М. Авиамом были выделены основные маркеры этно-религиозных изменений в Галилее начиная со II в. до Р.Х.: с одной стороны, изменения в типе керамики, которые он связывает с исчезновением языческого населения, с другой — появление новых поселений с признаками особой экономической деятельности (начало производства оливкового масла, технологически близкого к тому, что известно по материалам раскопок в Иудее, распространение хасмонейских монет), указывающих на увеличение иудейского населения.

Первые результаты археологических исследований Галилеи получили важные для последующих научных споров интерпретации также в трудах

новозаветников, имевших собственный опыт участия в раскопках. Так, американский археолог и библеист Дж. Стрэйндж, работавший в Сепфорисе (80-90-е гг.), пришел к выводу о заметной романизации Галилеи уже при Антипе. Об этом, по его убеждению, должны свидетельствовать находки предметов импорта и элементов римской архитектуры, остатки развитой системы межрегиональных и локальных дорог, указывающей на интенсивные торговые контакты, в том числе и со средиземноморскими портами. Следствием этого должно было стать распространение римской культуры — вывод, который на рубеже 80-90-х гг. приняли многие сторонники кинической гипотезы. Что касается жизни крестьян, то, исходя из расчетов численности населения с учетом числа и размеров поселений I в. и потенциала сельской экономики Галилеи, Стрэйндж делал заключение, что крестьяне, помимо обработки земли, должны были овладевать иными ремеслами для производства товаров, которые можно было продать на рынке. Тесные и взаимовыгодные связи городов и сельских областей считались, таким образом, доказанными.

Дополнительные аргументы в пользу гармоничных экономических связей привел американский археолог Д. Эдуардс, согласно которому взаимовыгодные связи в целом должны подтверждаться широким распространением керамики из единого центра, отсутствием следов деградации галилейских поселений в период строительства двух полисов, а также следов иродианских укреплений, что говорит о времени Антипы как об относительно спокойном периоде роста экономики и благополучия.

Важный этап дискуссии отмечен монографиями и сборниками статей библеистов Ш. Фрейна (Ирландия) и Р. Хорсли (США), попытавшихся объяснить некоторые аспекты земного служения Иисуса особенностями галилейского контекста. Так, Фрейн с учетом опубликованных данных раскопок Сепфориса и Тивериады, но преимущественно на основании письменных источников, сделал вывод о ценностных различиях и «глубинной» вражде между деревнями, сохранявшими древние обычаи, и иродианскими

городами, где формировалось иное по отношению к традиционному мировоззрению и жили его активные носители (эллинизированные евреи), готовые сотрудничать с новой римской системой. Как бы то ни было, основная часть галилеян — как в деревнях, так и в городах — была верна иерусалимскому храму, что подтверждается находками микв, фрагментов каменных сосудов и других маркеров иудейской идентичности, корректирующих тезис о Галилее как существенным образом эллинизированной территории.

Хорсли отказался принять данные раскопок Галилеи (Ц. Гал), показавшие запустение региона после ассирийского завоевания, и рассматривал их лишь как предварительные и не позволяющие сделать обобщающих выводов. Поэтому он попытался актуализировать гипотезу Альта о галилеянах I в. как потомках древних северных израильтян, сохранивших независимые от Иерусалима древнеизраильские религиозные традиции. Археологическим аргументом в пользу тезиса о небольшом влиянии иерусалимского храма в Галилее у Хорсли служит факт отсутствия здесь следов синагог до 70 г. (как показано в 3-й главе, на настоящий момент эта информация устарела). Урбанизация при Антипе, согласно Хорсли, поставила под угрозу традиционный религиозный уклад жизни галилейских крестьян и стала основной причиной усиления социальной напряженности и возникновения движения сопротивления римско-ироудианским властям, в рамках которой он рассматривает и «движение Иисуса».

В последнем разделе 2-й главы дается анализ состояния дискуссий о галилейском контексте проповеди Иисуса на начало 2000-х гг., нашедших отражение в монографиях Дж. Рида (2000), М. Ченси (2002, 2005) и М. Йенсена (2006), которые с учетом полученных результатов систематизируют и в целом опровергают сложившиеся в 80-х гг. XX в. представления о социально-экономической и этно-религиозной ситуации в Галилее I в.

Американский библеист Дж. Рид подверг критике попытку Хорсли актуализировать гипотезу Альта. Он подчеркивает, что результаты работ Ц.

Гала, в общем, находят подтверждение и в более поздних исследованиях (например, группы израильского археолога Р. Франкеля, которая также обнаружила свидетельства о запустении региона после ассирийского завоевания, не дающие оснований для заключения о преемственности галилейской культуры). С учетом выводов М. Авиама об уходе прежних (языческих) жителей Галилеи и интенсивном ее заселении из Иудеи, выделенные Ридом археологические маркеры иудейской идентичности галилеян I в. тоже свидетельствуют о том, что галилеяне этого времени были преимущественно потомками иудейских переселенцев хасмонейского времени. В оценке Ридом социальной ситуации в Галилее важную роль играет такой показатель степени урбанизации и ее влияния на жизнь сельских областей как численность городского населения. При том, что в его работах имеет место некоторая эволюция, общий вывод все же ясен: Сепфорис и Тивериада вполне могли стать центрами, «замыкавшими» на себе экономику сельских территорий, ресурсы которых инвестировались в строительство городских общественных зданий. В качестве примера другого типа поселения, которое не могло позволить себе такого строительства, рассматривается Капернаум.

Картину Галилеи I в., отличающуюся от той, которую имели исследователи предыдущих поколений (как совершенно эллинизированной уже в I в.), предложил английский библеист М. Ченси. Он показал, что в свете современных данных прежние аргументы о преобладании здесь язычников не выдерживают критики. О язычниках в Галилее I в. практически не сообщается (кроме капернаумского сотника, в письменных источниках упоминается только событие истребления греков в Тивериаде). Присутствие язычников в это время не подтверждается и археологическими данными: обнаружены однозначные маркеры иудейской идентичности галилеян I в.; языческая эпиграфика встречается только в пограничных областях, где имели место взаимные культурные контакты, в том числе в районе озера, следы же прямого эллинистического влияния очевидны только со II в. по Р.Х. Нет никаких археологических свидетельств I в., которые могли бы позволить

допустить хоть какое-то знакомство галилеян с греческой философией типа кинизма. Еврейские же находки в римское время встречаются по всем поселениям уже с I в. Несмотря на развитую сеть локальных дорог, Галилея все же не могла быть транзитным регионом для международной торговли, эти пути проходили уже за ее границами (последний аргумент направлен против позиции Стрэйнджа).

Наконец, датский библеист М. Х. Йенсен, исследовавший социальную ситуацию в Галилее периода правления тетрарха Ирода Антипы, делает свои выводы о внешних, социально-экономических параметрах правления Антипы на основании анализа археологических материалов, опубликованных на начало 2000-х гг. (без материалов раскопок Магдалы и некоторых объектов Тивериады). Это следующие 3 вывода. (1) О размере городов в I в. можно судить лишь предварительно, и Сепфорис, и Тивериада представляются очень небольшими городами, что (2) подтверждается в трансрегиональной перспективе их сравнением с соседними городами Десятиградия. (3) Оценить влияние программы урбанизации Антипы на окрестные области позволяют археологические данные, полученные при раскопках на 3, наиболее изученных поселениях Нижней Галилеи — Йодфате, Хирбет-Кане и Капернауме, и кроме них еще Гамлы на Голанах. На этих объектах не обнаруживается никаких следов экономического упадка, наоборот поселения расширяются, развивается местная торговля. В целом Йенсен (вслед за Эдуардсом) не видит оснований для гипотезы социального конфликта в Галилее периода правления Антипы.

Таким образом, анализ свидетельств письменных источников о политической истории Галилеи и об этно-религиозных особенностях ее населения (1-я глава) и, отчасти, анализ историографии (2-я глава, до формирования археологии Галилеи) позволил констатировать, что на основании только письменных источников вопросы о галилейском контексте проповеди Иисуса не получили удовлетворительных решений. Новые импульсы к решению ряда проблемных точек в дискуссии о контексте в

библейстике XIX–XX вв. были даны благодаря возникновению современной археологии Галилеи и введению в научный оборот полученного археологического материала. Это позволило сформулировать ряд позиций при обсуждении вопросов о происхождении и идентичности галилеян времени Иисуса и о социальных последствиях экономической ситуации в регионе этого периода. Систематический анализ публикаций материалов галилейских раскопок, в том числе самого последнего времени, позволил в некоторых случаях скорректировать ставшие консенсусными выводы о религиозном и социальном контексте проповеди Иисуса. Последние, с одной стороны, становятся важной предпосылкой того или иного ответа на вопрос о восприятии первыми (галилейскими) слушателями универалистской проповеди Иисуса и Его интерпретации иудейского закона, с другой — для понимания социального контекста Его нравственного учения, адресованного преимущественно галилейским беднякам. Об этих данных самых последних раскопок речь идет в 3-й главе.

В 3-й главе («Археология Галилеи и социально-религиозный контекст проповеди Иисуса») дается критическая оценка как сложившихся к 80-90-м гг. XX в., так и предложенных современными исследователями ответов на вопросы о религиозной идентичности галилеян I в. и социально-экономической ситуации в регионе на основании новейших публикаций археологических материалов.

Благодаря введению в научный оборот археологических данных дискуссии о контексте проповеди Иисуса приняли новые направления. Их критической оценке посвящена 3-я глава. С одной стороны, некоторые вопросы, считавшиеся неразрешимыми, были закрыты, с другой стороны, ряд проблем получил новые варианты решения.

1) К числу получивших окончательное решение относятся вопросы:

(а) о происхождении населения раннеримской Галилеи (о преемственности (этнической и/или религиозной) Галилеи и северного Израильского царства и о возможном происхождении галилеян от итуреев,

обращенных в иудаизм хасмонеями) (раздел 3.1);

(б) о присутствии в Галилее иудейского типа религиозности (раздел 3.1);

(в) о социально-экономической стабильности в Галилее времени Иисуса Христа (раздел 3.2).

(А) Современные археологические данные в целом не подтвердили распространенные еще во 2-й половине XX в. гипотезы о полуязыческой Галилее, с одной стороны, и о религиозно-культурной преемственности населения Галилеи времени Иисуса с населением древнего Израильского царства, с другой. Дискуссии по вопросу об этно-религиозной идентичности галилеян раннеримского времени оцениваются в свете последних публикаций в первом разделе 3-й главы (***3.1. «Проблема этно-религиозной идентичности галилеян в свете современной археологии»***).

Учитывая опубликованные на начало 2000-х гг. данные галилейских раскопок, можно с уверенностью утверждать, что итогом ассирийского разгрома было полное запустение региона, а не начало длительного процесса смешения прежнего израильского и новоприбывшего языческого населения (как полагали В. Бауэр, В. Грундман и другие). Соответственно, данные археологии лишают всякого основания и предпринятую в 90-х гг. XX в. попытку Р. Хорсли актуализировать гипотезу А. Альта, согласно которой галилеяне I в. были потомками северных израильтян, не депортированных ассирийцами, а проповедь Иисуса во многом попыткой актуализировать ценности древней израильской традиции завета Бога с Моисеем, которые в ситуации культурных изменений иродианского времени оказывались под угрозой.

Если в 90-х гг. Хорсли еще мог подвергать сомнению выводы археолога Ц. Гала о полном разорении Галилеи ассирийцами как предварительные и основанные преимущественно на разведках, то более поздние исследования подтвердили гипотезу о запустении региона в VIII в. до Р.Х. Среди последних наибольшее значение имеют широкомасштабные раскопки и

разведки под руководством М. Авиам и группы Р. Франкеля. Основные тезисы обеих гипотез (о смешанном полуязыческом населении Галилеи и о культурном и религиозном континуитете от времени заселения ее израильтянами до иродианского периода) лишаются своих предпосылок уже потому, что исследования поселений железного века I (1200–1000 гг. до Р.Х.) и железного века II (1000–587 гг. до Р.Х.) показывают резкую депопуляцию Галилеи после ассирийского завоевания и постепенное становление другого «образца поселения», свидетельствующего о начале этнических изменений.

Кроме того, не поддерживается и итурейская гипотеза происхождения галилеян I в. (Э. Шюрер), которая также использовалась для объяснения галилейского менталитета («поверхностный иудаизм» недавно обращенного итурейского населения). В настоящее время ученые отказываются от однозначного соотнесения поселений с особым («итурейским», как считалось) типом керамики с итуреями.

Археологические данные позволили выдвинуть и обосновать новую гипотезу происхождения населения Галилеи раннеримского времени, которая в настоящее время является общепринятой. Помимо событий, связанных с ассирийским завоеванием, археологи (М. Авиам, Р. Франкель, У. Лейбнер и др.) восстановили дальнейшую историю заселения региона в позднеэллинистический и раннеримский период. Следы постепенного нового заселения региона прослеживаются только в конце персидского периода и, более явно, уже в эллинистическое время, а с хасмонейского периода и в течение в I в. до Р.Х. – I в. по Р.Х. появляется много новых поселений, во всей области заметен значительный рост населения (заселенная площадь увеличивается на 50%, а население — в 2 раза).

В самом конце II в. — в начале I в. до Р.Х. археологически фиксируются изменения в образе жизни населения Галилеи и на Голанах (некоторые небольшие поселения, где ранее присутствовала «галилейская грубая посуда», оставлены прежними жителями, возникают новые поселения со своей структурой (характерные иудейские дома) и посудой южного типа из

местной глины) и следы разрушений языческих поселений (разрушены и оставлены финикийский административный центр в Кедеше и храм в Мицпе-Яммим, некоторые его священные предметы десакрализованы, та же участь постигла храм в галилейской Беэр-Шебе). В Йодфате открыт слой разрушения, над ним возведена хасмонейская стена. Все эти изменения объясняются приходом новых еврейских поселенцев после хасмонейского завоевания Галилеи.

Отмечаются изменения в «обычаях трапез» (отказ от определенного типа импортной посуды и, соответственно, самого образа трапезы), по всей территории Галилеи появляются хасмонейские монеты.

Таким образом, оснований для вывода о многовековой культурной преемственности населения Галилеи нет. Несмотря на то, что дискуссия пока далека от завершения, можно с уверенностью утверждать, что галилеяне времени Иисуса были не потомками древних северных израильтян, но, в основном, в третьем-четвертом поколении — потомками иудейских колонистов, переселившихся сюда при хасмонеях и иродианах.

Б) В целом, несмотря на то, что ряд вопросов остается открытым, результаты археологических исследований свидетельствуют о раннеримской Галилее как о территории с еврейской культурой, близкой к культуре Иерусалима и Иудеи. Вывод о заселении Галилеи иудейскими колонистами в хасмонейско-иродианский период поддерживается несколькими археологическими маркерами идентичности нового населения, указывающими на его отношение к иудейскому типу религиозности. Прежде всего это: (1) фрагменты каменных сосудов; (2) миквы; (3) отсутствие свиных костей; (4) остатки синагог (до 70 г.); (5) следы обряда погребений с использованием типично иудейских локулов (кохим). Данные маркеры характерны для поселений, появляющихся в хасмонейскую эпоху (однако массово они представлены уже для иродианского периода). В дополнение к этому можно назвать (6) постепенное исчезновение языческой эпиграфики и (7) широкое использование хасмонейских монет без изображения живых существ, и

масляных «иродианских» светильников. Религиозно мотивированными — как сопротивление эллинизации — можно признать и изменения в бытовой жизни галилейских иудеев региона озера, которые прослеживаются по керамике (гипотеза А. Берлин: отказ от использования привозной греческой и производство местной).

(В) Завершающий раздел 3-й главы (3.2. «Проблема социально-политической ситуации в Галилее периода правления Ирода Антипы в свете археологии») посвящен вопросам (1) о степени урбанизации Галилеи периода Антипы на примере построенных им Сепфориса и Тивериады, в том числе и в трансрегиональной перспективе, в сравнении с другим городами Десятиградия и средиземноморского побережья (в дополнение к известному из более ранних археологических отчетов приводится также опубликованный материал из последних раскопок Магдалы) и (2) о ее влиянии на окрестные сельские территории, с дополнительным вопросом о социальной дифференциации крестьянского класса в данный период.

Археологические исследования позволяют с уверенностью делать заключение о социально-экономических отношениях в раннеримской Галилее, о которых на основании письменных источников возникает лишь двойственное впечатление. Современная дискуссия по этому вопросу определена противостоянием 2 основных позиций: сторонников гипотезы социального конфликта и сторонников гипотезы социально-экономической стабильности. Как было показано во 2-й главе, позиции исследователей во многом определяются той или иной социологической моделью античного общества, разработанной в исторической науке и принятой в новозаветных исследованиях для интерпретации свидетельств письменных и материальных источников. Несмотря на широкое применение социологического подхода в исследовании исторического контекста проповеди Иисуса, критика противников этого метода (прежде всего М. Савицки) продемонстрировала его недостаточную ценность для исследования галилейского общества раннеримской эпохи [раздел 2.2.3]. Выделенные в рамках этой критики

признаки ограниченности социологического подхода достаточны для того, чтобы отказаться от попытки реконструировать детали социального галилейского контекста проповеди Иисуса с помощью одной из распространенных социологических моделей. Важнейший среди этих признаков заключается в том, что используемые библеистами социологические модели (возникшие в 60-70-х гг. XX в.) преимущественно основаны на европоцентричных категориях, упускающих уникальные черты исследуемых обществ; модели не сообщают новых данных, а экстраполируют уже известную информацию, не принимая во внимание особенности исследуемого общества. Принимая аргументы критиков социологического подхода (М. Савицки), мы исходим из того, что вопросы социально-экономической ситуации в Галилее I в. получают вполне приемлемое разрешение на основании только археологического материала без привлечения социологических моделей.

Анализ отчетов, статей и в некоторых случаях итоговых монографий позволяет сделать общие выводы о степени урбанизации, типах поселений и социально-экономической ситуации в Галилее (последствиях строительных проектов Антипы для окружающих сельских территорий), а также несколько дифференцировать прежний (представленный в работах 80-90-х гг.) образ галилейского крестьянина.

Наиболее исследованы 3 больших города — столичные Сепфорис и Тивериада и построенная еще при хасмонеях Магдала.

Слои I в. в Сепфорисе сохранились очень плохо, этим временем датируются лишь немногие объекты (остатки дома с миквами на западном холме, театр (датировка спорная), акведук и некоторые другие объекты). Основной импульс развития и эллинизации город получил уже в начале II в. При том, что нет консенсуса в оценке вклада Антипы в развитие Сепфориса (город не выходил за пределы западного холма (до 4 га) и был очень небольшим по сравнению со временем его расширения во II-III в. (Вейс, Нэцер)), археологи фиксируют следы строительной деятельности тетрарха

(материал дворцовой постройки (Мейерс), заметные следы целого плана строительства города: постройки на акрополе, ранняя кардо, ранний этап римской базилики на восточном склоне акрополя (Рид, Йенсен)).

Похожим образом дело обстоит и с Тивериадой. В целом можно говорить о ясной строительной программе тетрарха, хотя I в. здесь датируются немногие объекты: монументальные ворота, помещение с мозаичным полом в иродианском стиле, возможно оставшееся от дворца Антипы, начальная стадия строительства театра, остатки стадиона и некоторые другие объекты. Сравнение размеров и архитектуры галилейских столиц I в. с эллинистическими центрами ближайшего окружения позволяют сделать вывод о достаточно небольших размерах этих галилейских городов в I в.

Выводы об урбанизации Галилеи, сделанные на основании результатов раскопок Сепфориса и Тивериады, и, в целом, об эллинизации региона в иродианский период могут быть несколько скорректированы с учетом публикаций последних раскопок еще одного города, — Магдалы, основанной еще до Антипы, после присоединения Галилеи хасмонеями. Магдала с самого начала строилась по всем канонам эллинистического полиса и имела архитектурные параллели в эллинистических центрах Малой Азии и Сиро-Палестинского региона. Здесь найдено несколько типичных для эллинистических городов архитектурных объектов («дом у источника», кардо и декуманусы, общественные термы, палестра или форум). В небольшой Галилее, таким образом, в I в. существовали три города, построенные согласно принципам эллинистического градостроительства.

Больших размеров порт на берегу озера позволяет предположить, что Магдала была перевалочным пунктом для дальнейшей транспортировки товаров из городов Восточного Средиземноморья в Сирию и Десятиградие и должна была оказывать заметное влияние на жизнь региона Галилейского озера. Строительство Магдалы с ее огромным портом (что предполагало большие государственные инвестиции) — пример стремления новой хасмонеийской власти в регионе к развитию существующих экономических

связей и включению в межрегиональную торговлю.

Этот вывод, а также сам факт существования 3 городов на сравнительно небольшой территории лишает достаточной аргументации тезис об относительной замкнутости Галилеи I в. по отношению к влиянию извне. Ясно, что строительство этих городов (по крайней мере, столиц) требовало больших инвестиций и привлечения рабочих рук в течение длительного времени. Это вряд ли можно допустить без такого же длительного периода политической и социальной стабильности. Опубликованные материалы раскопок небольших галилейских поселений позволяют считать время Антипы именно таким и, в целом, согласиться с выводами Эдуардса и Йенсена об отсутствии отрицательного влияния строительных проектов Антипы на социально-экономическую жизнь Галилеи.

Как показывает анализ публикаций раскопок Капернаума, Йодфата, Хирбет-Каны и Гамлы, здесь не находят заметных следов экономического упадка поселений в результате эксплуатации (как, например, настаивал Кроссан) развивающимися городами ресурсов окружающих территорий. Наоборот, наблюдаются признаки экономического развития и расширения территорий этих поселений. Антипа проводил политику романизации подвластной территории не за счет экономического угнетения сельских территорий. В целом, с учетом размеров этих поселений в I в., можно согласиться с мнением, что их надо выделять в особый тип, промежуточный между городами и многочисленными галилейскими деревнями, и рассматривать как «сельские города».

Есть основания для пересмотра прежнего представления о «крестьянах» Галилеи как о едином социальном классе, образуемым людьми, находящимися на грани нищеты и, в то же время, сохраняющими традиционные израильские представления о справедливой жизни. Археологические данные, позволяющие судить о развитии торговли и производстве керамики в сельских центрах, а также находки предметов роскоши позволяют видеть в них уже не однородную группу, как считали Кроссан и другие, но социально

дифференцированную в границах одного поселения.

Подтверждается позиция исследователей, сторонников того, что экономика «сельских городов» и деревень ориентирована не только на поддержание минимального уровня жизни крестьян, но и на городские рынки. Раскопки в Кфар-Ханании показали, что это был деревенский производственный центр керамики, откуда она распространялась во многие другие места, в том числе в Сепфорис и окрестные поселения. Ни одно изделие из Кфар-Ханании не датируется временем ранее основания Сепфориса и Тивериады, что указывает на функцию этих городов в качестве рынков, а распространение изделий — на интенсивные экономические взаимодействия городских рынков и потребителей товаров в деревнях.

2) Остались открытыми, но получили новые варианты решения в свете археологических данных вопросы, связанные с проблемой эллинизации Галилеи хасмонейского и иродианского периодов (в разделе 3.1). Хотя Галилея времени Иисуса в свете указанных археологических данных представляется областью, заселенной преимущественно иудейским населением. Вместе с тем новейшие данные заставляют (без фундаментальной коррекции) несколько дифференцировать сложившийся в 90-е гг. XX в. образ еврейской Галилеи, а также скорректировать представление о степени эллинизации региона.

На основании археологических данных нельзя исключать возможности эллинистического влияния на жизнь галилеян, но вместе с тем нет никакого подтверждения тому, что это влияние затронуло религиозную сферу. Находки в городских и деревенских контекстах типичных построек и предметов эллинистической культуры указывают на то, что вывод (А. Берлин) об отказе от предметов импорта как способе выражения своей культурной идентичности необходимо скорректировать. Неприятие предметов, связанных с иной культурой, сосуществует с готовностью некоторой части галилеян принимать это влияние. Постройки и бытовые предметы

эллинистического типа, найденные, например в Магдале и Эт-Телле, свидетельствуют о том, что некоторые социальные группы галилеян вполне могли воспринимать эллинистические представления о роскоши, не отказываясь при этом от своих религиозных традиций (типичная для хасмонеяского варианта эллинизма черта).

Найденные в Сепфорисе фрагменты изделий из стекла и импортная керамика указывают на то, что у местной аристократии эллинистические представления о роскоши не вступали в противоречие с иудейской идентичностью. На такую идентичность большинства населения города указывают найденные фрагменты каменных сосудов и миквы. О том, что население Тивериады придерживалось иудейских традиций, свидетельствуют находки фрагментов каменных сосудов, но в отношении архитектуры город был похож на эллинистические (найденны: монументальные ворота, помещение с мозаичным полом в иродианском стиле, возможно оставшееся от дворца Антипы, остатки стадиона, начальная стадия строительства театра и некоторые другие), в источниках также упоминаются некоторые типичные для эллинистических городов институты и должности; эпиграфические надписи содержат имена должностных лиц, предполагающие многонациональный состав тивериадской элиты.

В Магдале найдены миквы, фрагменты каменных сосудов, остатки по крайней мере одной синагоги (хасмонеяского времени!), каменная база, украшенная рельефами, один из которых с изображением меноры. И в то же время город с самого начала строился по канонам эллинистического градостроительного искусства, имели распространение некоторые эллинистические практики, например, греческих омовений в общественных термах. Учитывая наличие здесь порта, служившего, судя по его размерам, пунктом для переправы товаров из средиземноморских центров торговли в города Сирии и Десятиградия, можно делать вывод, что Магдала была частью средиземноморского мира.

О некотором влиянии эллинистических представлений о красоте и

роскоши говорят находки богатых частных домов и общественных построек (в Йодфате, Гамле, Капернауме, и в Хирбет-Кана), предметов бытовой роскоши (в Йодфате). Публикации соответствующих археологических отчетов анализируются в связи с вопросом о социально-экономической ситуации в последнем разделе 3-й главы.

Из многочисленных галилейских деревень I в. хорошо раскопан (и опубликован) только Эт-Телль. Здесь найдено какое-то количество импортной керамики и изделий из стекла, следовательно, деревенский мир Галилейского озера также был открыт для импорта эллинистических товаров.

Исходя из сказанного, очевидно, что археология играет заметную роль в преодолении прежних представлений об эллинизации как процессе, ведущем к подавлению прежней идентичности жителей Иудеи, и о хасмонейском завоевании как антиэллинистическом движении. Хасмонеи импортировали в Галилею сложившийся в Иудее вариант местной иудейской и западной эллинистической культуры, что и определило направление эллинизации Галилеи.

Чтобы определить степень эллинистического влияния в Галилее, более не нужно искать четких следов «языческой» идентичности, имеющих соответствия в ближайших к Галилее эллинистических центрах (Кесария, Скифополь). Языческое (религиозное) присутствие в Галилее I в. до Р.Х. и I в. по Р.Х. действительно очень маргинально (в буквальном смысле — храмы обнаруживаются только уже на границах собственно Галилеи), что, однако, не означает, что галилейское общество в культурном отношении было менее эллинизировано, чем население соседних регионов. В Галилее складывается иудейская форма эллинизма, введенная хасмонеями, поддержанная и развитая строительством при Антипе.

Однако эта эллинизация, не предполагающая возникновения какой-либо формы религиозного синкретизма и, судя по материальным находкам, ограничивающаяся принятием эллинистических представлений о красоте и роскошной жизни, исключает также возможность рассматривать культурную

ситуацию в Галилее как предпосылку для распространения здесь эллинистических философских течений, таких, как, например, кинизм. Археологических предпосылок для кинической гипотезы, таким образом, нет.

Следует также отметить, что археологические данные не могут существенным образом повлиять на обсуждение ряда дискуссионных тем, напрямую связанных с реконструкцией галилейского контекста проповеди Иисуса. Так, для нашей проблематики важно, что вывод о наличии в Галилее иродианского времени особого варианта культа императора не имеет достаточных археологических оснований (например, вопрос о датировке театра в Сепфорисе остается дискуссионным). Свои аргументы сторонники этой позиции по-прежнему обосновывают свидетельствами античных письменных источников, преимущественно Иосифа Флавия.

Еще один вопрос, который, в общем, выходит за пределы компетенции археологии, — о своеобразии отдельных религиозных практик в галилейском иудаизме I в. Как было показано выше, общепринятым стало мнение о том, что галилейский иудаизм восходит к хасмонеюскому иерусалимскому. Тем не менее даже иерусалимскому иудаизму была присуща определенная степень вариативности. Можно предположить, что и галилейский иудаизм выработал свои частные особенности, о которых свидетельствуют данные письменных источников. На нынешнем этапе дискуссии археология не может подтвердить или опровергнуть наличие таких особенностей.

Выводы диссертационного исследования совпадают с положениями, выносимыми на публичную защиту (см. выше).

Публикации.

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1) *Неклюдов К. В.* Проблема Галилеи раннеримского времени как культурного и политического контекста провозвестия Иисуса Христа (по

материалам западной историографии XIX–XX вв.): Часть 2 // Христианское чтение. СПб., 2016. Т. 2. С. 123–166;

2) *Неклюдов К. В.* Рец.: *Root B. W.* First Century Galilee: A Fresh Examination of the Sources. Tübingen, 2014 // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. I:5 (67). М., 2016. С. 131–134;

3) *Неклюдов К. В.* Ситуация в Галилее начала I в. как исторический контекст проповеди Иисуса по данным современной археологии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб., 2018. Т. 19. Вып. 2. С. 55–61.

Публикации в прочих изданиях:

1) *Неклюдов К. В.* Рец.: *Texte-Fakten-Artefakte: Beiträge zur Bedeutung der Archäologie für die neutestamentliche Forschung* / Hrsg. M. Küchler, K. M. Schmidt, Freiburg, 2006 // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. I:1 (25). М., 2009, С. 82–86;

2) *Неклюдов К. В.* Рец.: *Jesus und die Archäologie Galiläas* / Hrsg. S. Claußen. Neukirchen-Vluyn, 2008 // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. I:1 (29) М., 2010. С. 131–137;

3) *Неклюдов К. В.* Ирод Антипа // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 634–639;

4) *Неклюдов К. В.* Иродиане // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 654–655;

5) *Неклюдов К. В.* Период правления тетрарха Галилеи Ирода Антипы по данным археологии // Христианское чтение. М., 2011. Т. 5. С. 31–59;

6) *Тарханова С. В., Коротков П. А., Неклюдов К. В.* Капернаум // Православная Энциклопедия. М., 2012. Т. 30. С. 533–543;

7) *Неклюдов К. В.* Галилейский контекст служения Иисуса Христа: История и современные проблемы // Сборник трудов Кафедры библеистики МПДА. Сергиев Посад, 2013. № 1. С. 283–292;

8) *Неклюдов К. В.* Проблема Галилеи раннеримского времени как

культурного и политического контекста провозвестия Иисуса (по материалам западной историографии XIX–XX вв.): Часть 1 // Христианское чтение. СПб., 2013. Т. 2. С. 133–169;

9) *Неклюдов К. В.* Этно-религиозная идентичность галилеян раннеримского периода в свете археологии: состояние вопроса на начало XXI в. // Христианское чтение. СПб., 2014. № 6. С. 21–79;

10) *Неклюдов К. В.* Книжники // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 36. С. 134–138;

11) *Неклюдов К. В.* Археология Галилеи и «третий поиск исторического Иисуса» // Современная библеистика и Предание Церкви: Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви Москва, 26–28 ноября 2013 г. / Под ред. митр. Илариона (Алфеева). М., 2016. С. 199–214.

12) *Неклюдов К. В., Тарханова С. В.* Магдала // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 42. С. 268–271.